

БРОСАЮ ВЫЗОВ ВАНДОМУ КВЕНТИН ОБАДИА, LALIQUE

— Драгоценности
Lalique Joaillerie 2012
года: плавные формы
модерна, хрусталь,
опалы, цветное
золото, бриллианты

Квентин Обадиа отвечает за драгоценные коллекции дома Lalique, чей основатель Рене Лалик был выдающейся фигурой ювелирного дизайна. Квентин Обадиа прошел серьезную школу Boucheron, а потому отлично знает — как бороться со «стариками» Вандомской площади.

— Как вы попали в Lalique?

— Я изучал промышленный дизайн в Париже — сначала в школе дизайна Olivier de Serres, затем — в Strate College Designers. Через день после получения диплома меня пригласила к себе креативный директор Boucheron. В Boucheron мне предложили попробовать себя в высокой ювелирной моде, и Gaiete Parisienne стала моей первой коллекцией. Мне было 25 лет.

В Boucheron я познакомился с Анн Кадзуро, теперь она директор ювелирного подразделения Lalique. Мы были прекрасной парой. Анн получила опыт работы с международными брендами в L'Oréal; у нее была степень MBA Международной европейской школы бизнеса ESSEC; тому, что касалось ювелирной техники, она научилась в Christian Bernard. Ее пригласили на работу в Boucheron для развития таких направлений, как бижутерия, ювелирная мода и свадебные коллекции. Должен сказать, что поначалу наше сотрудничество было очень странным! Но мы превратили наши разногласия в подлинный источник силы. В январе 2011 года Сильвио Денц обратился к Анн с деловым предложением. Он хотел восстановить ювелирное направление Lalique, сделать его одним из столпов бренда — вместе с декором, интерьерами и парфюмом. Анн приняла этот вызов, и, поскольку мы не могли больше жить и работать по отдельности, я последовал за ней.

— Как разделяется ответственность при производстве украшений и предметов интерьера? Существует общий экспертный совет?

— Лалик был первым в начале XX века, кто уничтожил иерархию драгоценных и недрагоценных материалов. Материал, который он использовал, должен был рассказывать историю создания, создавать настроение, но ни в коем случае не давать драгоценному камню его объективную стоимость. Материалы следуют моему замыслу, они усиливают мое вдохновение. К примеру, для ожерелья Vesta мне нужна была мягкость и чувственность — и лепной перламутр был лучшим материалом; нам нужен был камень, который как бы был в огне, — и выбор был сделан в пользу огненного опала; нам нужна была прозрачность — и мы не могли не использовать хрусталь. Мы потратили немало сил, чтобы найти лучшую мастерскую в Париже, единственную настолько безумную, что она согласилась с нами работать, причем работать по совершенно сумасшедшему графику. Мы нашли мастеров для каждого вида работ и начали рассказывать миру историю возрождения Lalique.

— Насколько важно для вас и для марки сохранять художественные принципы модерна?

— Сегодня мы оказались в том же положении, в каком был в свое время сам Лалик. Среди ювелиров тогда было много сильных игроков, работавших на одну категорию людей — аристократию. Мир ювелирной моды также был втиснут в рамки правил, предполагавших использование больших драгоценных камней и минимум интересного творчества. Все по-настоящему креативные эскизы Лалика отвергались — за исключением наиболее скромных. Именно поэтому он в конце концов решил работать только на себя. Так он и достиг успеха, создавая великие украшения, в том числе и для великих женщин — Сары Бернар или Лианы де Пужи. То же самое у нас и сейчас. Мы хотим предоставить альтернативу традиционным ювелирным изделиям с Вандомской площади. Мы будем бороться!

— Насколько тесно вы работаете с архивами марки? Сколь существенно можно менять наследие Лалика в производстве современных предметов?

— Первые месяцы мы с Анн провели, изучая каждый рисунок, каждую книгу, в которой говорилось о прошлом Lalique. И сегодня я все еще окружен архивными материалами, а книги со всеми этими рисунками не покидают моего стола! Я следую за принципами самого Лалика, но мы совершенно отказываемся переиздавать, копировать его творения. Мы хотим понять этого человека, его интересы, его страсти и воссоздать корни, столпы Lalique Joaillerie. У ювелирного мира Лалика было вдохновение — это четыре стихии природы и четыре главные темы: женщины, фауна и флора, текучие формы.

— Какой цвет хрустала вы предпочитаете?

— Опаловый. Вечно меняющийся, чувственный. Как, например, кольцо Gourmande Opal. Кажется, что в нем живет облако!

— Сейчас большая часть украшений дома производится из хрустала. Сам Лалик много работал с барочным жемчугом, полудрагоценными и поделочными камнями, с эмалью? Есть ли планы продолжать эти эксперименты?

— В сентябре 2011 года мы запустили коллекцию, в которой мы смешивали хрусталь и драгоценные материалы, золото и бриллианты. Мы используем эмаль, серебро, полудрагоценные камни, лак, микшируем их с сапфирами, бриллиантами, красным золотом. Хрусталь — это значительная часть истории Lalique, но не вся история. Поэтому да, мы не просто планируем идти этим путем — мы уже им пошли. На выставке мы намерены представить эксклюзивный выпуск из восьми уникальных гребней. Это будет лимитированная линия под названием «1888». Вы увидите эмаль, золото, рог, а также необычные инновационные материалы.

Беседовала Екатерина Истомина

